

Прорываясь лишь в отдельные моменты повествования, реалистические тенденции древнерусских писателей не имели для своего художественного выражения крепко установившейся традиции, в отличие от господствующей системы с ее ясно оформившимися стилями. Метко схваченная деталь, острый диалог, лирически окрашенный эпизод, сатирическая интонация и многие другие приемы служат писателю, в зависимости от характера темы и авторского замысла, для того, чтобы «документально достоверному» изложению придать характер художественного правдоподобия или сделать исторически более конкретными идеализированно обобщенные образы.

Свобода от традиции позволяет писателю в реалистических эпизодах для большей наглядности подбирать выразительные сравнения и определения непосредственно из бытовых впечатлений, а не из установившегося запаса книжных или устно-поэтических тропов. И. П. Еремин справедливо обращает внимание на то, что «характерные для древнерусской литературы изобразительные средства (от отдельного эпитета или метафоры до устойчивых формул поэтического изображения) обслуживали, как правило... мир авторского идеала» (стр. 78), т. е. произведения, построенные методом «идеального преобразования жизни». Однако исследователь не учел того, что «изобразительные средства» появляются и в реалистических эпизодах при изображении жизни «какая она есть», причем берутся они здесь, как правило, не из традиционного запаса. Приведенное выше описание «ленивого и сонливого» почти целиком построено на свободно и смело взятых из быта уподоблениях: ленивый по улице бредет, заглядывая в окна, «аки несытый пес»; шатается, «аки оскорбляя свиния о углы чешется»; чужими трудами кормится, «аки червь капусту» ест; леньность привязалась к нему, «аки милая жена к мужу своему», и т. д. Князь Давыд стережет ослепленного Василька, «аки зверь уловил», и т. д. Обильно представлены бытовые черты в своеобразной поэтической системе «Моления» Даниила Заточника.<sup>53</sup>

Не связанный в реалистических эпизодах установившимися стилистическими нормами, древнерусский писатель использовал в них разные типы устного, устно-поэтического и книжного языка. В приведенных выше летописных реалистических рассказах преобладает разговорная речь, иногда перемежающаяся устоявшимися формулами делового языка; в описании «ленивого и сонливого» ясно слышна образность и даже своеобразная ритмичность устно-поэтического языка; но в той же, например, учительной литературе многие «страсти» человека изображаются реалистически, с помощью выдержанного книжного славяно-русского языка; Даниил Заточник смело сочетает живой язык со славянскими лексикой и формами даже в эпизодах, построенных в духе «скоморошьего балагурства»,<sup>54</sup> и т. д. Таким образом, очевидно, что в древнерусской литературе художественная правдивость изображения не стоит в прямой связи с выбором писателем языковых средств. Сама тема реалистического эпизода, иногда и контекст, в который он включен, определяет этот выбор.

Следует при этом отметить, что сама по себе образность языка еще не делает изложение реалистическим даже в том ограниченном понимании, в каком мы этот термин употребляем применительно к литературе XI—XVII вв. Среди житийных «чудес», например, есть много таких, в описании которых внешний бытовизм сочетается с лексикой живого языка,

<sup>53</sup> См. исчерпывающий анализ образов, взятых из быта, в статье Д. С. Лихачева «Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника» (стр. 110—117).

<sup>54</sup> Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника, стр. 114.